

RU

Структурно-семантические связи скальдических кеннингов в сопоставлении с фразеологическими единицами на материале лексико-семантической группы «огонь»

Левитан А. Г., Нечаева П. В., Солдатова Д. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявить существенные особенности горизонтальных связей между элементами системы скальдических кеннингов. В статье обсуждаются структура и лексико-семантическое наполнение скальдического кеннинга и особенности его использования, а также проводится его сравнение с ныне существующими художественными фигурами – метафорой, метонимией и фразеологизмом. Помимо этого, на материале лексико-семантической группы «огонь» авторы рассматривают происхождение и принципы построения горизонтальных связей в системе кеннингов. Научная новизна заключается в том, что благодаря ранее не применявшемуся подходу к описанию кеннингов в рамках теории фразеологии удалось по-новому взглянуть на горизонтальные связи в системе кеннингов, что привело к следующим результатам. Во-первых, кеннинги могут рассматриваться во фразеологической парадигме с применением теоретических моделей фразеологии, а во-вторых, в системе кеннингов существуют сложные горизонтальные связи, которые образуются преимущественно скальдическими хейти и объединяют в равной степени двучленные и многочленные кеннинги.

EN

Structural-semantic links of skaldic kennings compared with phraseological units using the lexico-semantic group “Fire”

Levitan A. G., Nechaeva P. V., Soldatova D. N.

Abstract. The research aims to identify the essential features of horizontal links between elements of the system of skaldic kennings. The paper discusses the structure and lexical-semantic content of skaldic kennings and the peculiarities of their usage, comparing them with existing tropes such as metaphor, metonymy, and phraseological units. Additionally, focusing on the lexico-semantic group “Fire”, the authors examine the origin and principles of building horizontal links in the system of kennings. The scientific novelty lies in introducing a new approach to describing kennings within the theory of phraseology, offering a fresh perspective on horizontal links in the system of kennings. This has led to the following findings: 1) kennings can be considered within the phraseological paradigm using theoretical models of phraseology; 2) there are complex horizontal links in the system of kennings, primarily consisting of skaldic heiti, combining both two-word kennings and kennings with multiple elements.

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, сохраняющейся среди исследователей неопределенностью по вопросу сущности древнескандинавского скальдического кеннинга, а с другой – отсутствием в специальной литературе представления о всем комплексе связей между элементами системы кеннингов. За десятилетия активного изучения скальдического кеннинга было выдвинуто множество гипотез, сближающих его с ныне существующими художественными фигурами (метафорой и метонимией), однако ни одна из них не лишена недостатков. Поэтому актуальным становится как выдвижение новой точки зрения на сущность этой фигуры скальдической поэзии, так и анализ некоторых особенностей структуры системы кеннингов.

Для достижения этой цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть отличия скальдического кеннинга от художественных фигур, которым он уподоблялся; во-вторых, провести сравнительный анализ кеннинга и фразеологического оборота; в-третьих, проанализировать сущность и структуру горизонтальных связей в системе кеннингов.

Выбор методов исследования обусловлен целью и поставленными задачами. Для отбора материалов авторами применялся метод корпусного анализа: поиск текстов осуществлялся через электронный корпус

скальдической поэзии “Kenning Lexicon” (<https://skaldic.org/m.php?p=kenninglexicon>). Основным методом исследования стал сравнительно-сопоставительный, посредством которого проводилось сравнение кеннинга с фразеологизмом. Этот метод дополняется описательно-аналитическим, на основании которого оценивалась возможность применения существующих классификаций фразеологических единиц к кеннингу. Наконец, в работе применяется индуктивный метод: авторы делают общие выводы о сущности кеннинга и его особенностях на основе рассмотрения частных примеров этой скальдической фигуры.

Материал исследования – тексты, написанные на древнеисландском и современном норвежском языках.

Объект исследования – кеннинги из корпуса древнеисландской и древненорвежской скальдической поэзии, а также фразеологизмы современного норвежского языка, которые имеют в своем составе лексико-семантическую группу «огонь».

Теоретической базой исследования послужили, во-первых, «Младшая Эдда» (1970) Снорри Стурлусона – значительнейший памятник древнеисландской литературы, отражающий взгляд современника на проблему сущности и происхождения кеннингов; а во-вторых, труды исследователей скальдической поэзии современной эпохи: А. Heusler (1969) (впервые издан в 1922), W. Krause (2014) (впервые издан в 1930), С. В. Петрова и М. И. Стеблина-Каменского (1979), Е. А. Гуревич и И. Г. Матюшиной (1999), посвященные той же проблематике. Помимо этого, внимание было уделено работам R. Meissner (1921), В. Fidjestøl (1997) (впервые издана в 1974), И. В. Свердлова (2003) и О. А. Смирницкой (1995), в которых проводится анализ связей в системе кеннингов. Важным аспектом исследования является сопоставление скальдического кеннинга с фразеологизмом, что стало возможным благодаря работам по теории фразеологизмов В. В. Виноградова (1977) и А. В. Жукова (2020).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в дальнейшей разработке теории кеннингов. Продемонстрированная в работе методология может способствовать интеграции методов изучения кеннингов с подходами, разрабатываемыми в современной лингвистической науке. Результаты исследования также могут использоваться в преподавании таких дисциплин, как «Введение в германскую филологию», «Основы теории норвежского языка», «Теория перевода» и практические курсы перевода норвежского языка.

Обсуждение и результаты

Различные подходы к систематизации кеннингов

В науке под кеннингом понимается двухчастное субстантивное выражение, состоящее, условно, из основы и определения. Структурно оно представляет собой генетивную конструкцию, где форма основы задана ее синтаксическим окружением, а определение, выраженное существительным или субстантивированным прилагательным (*gandr stordar*, волк молодого леса – ветер), стоит в форме родительного падежа. Частным вариантом конструкции является сложное слово, чаще всего образующееся сложением двух существительных, первое из которых связано со вторым притяжательной связью (*gunnbord*, стол битвы – щит). Особенность кеннинга – его способность к разворачиванию: лексема-определение может быть заменена на обозначающий ее кеннинг, что приведет к созданию «кеннинга в кеннинге». В итоге такого разворачивания получатся трехчленный или – если разворачивание было повторено два или более раз – многочленный кеннинги (*selja rastar geyrþvengs*, ива перехода ремня тростника – женщина). В исландской поэтике, в противоположность собственно двучленному *kenning*, они получили названия *tvíkennt* и *rekit* соответственно. Однако, несмотря на своеобразие формы, эти поэтические фигуры сущностно идентичны двучленному кеннингу, а потому в настоящей работе особым образом рассматриваться не будут.

Если структура кеннинга четко определена, то вопрос о его сущности до сих пор остается открытым. Представление о том, что понимали под кеннингом его современники и «пользователи» – скалды, – дает «Младшая Эдда» выдающегося исландского поэта и политика Снорри Стурлусона: «А третий вид называется кеннингом. Он состоит в том, что мы говорим “Один”, либо “Тор”, либо кто другой из асов или альвов, а потом прибавляем к именованному название признака другого аса или какого-нибудь его деяния. Тогда все наименование относится к этому другому, а не к тому, кто был назван. Так, мы говорим “Тюр победы”, или “Тюр повешенных”, или “Тюр ноши”, и это все обозначения Одина» (1970, с. 105-106). Это описание стало отправной точкой рассуждений одного из основателей современной теории кеннингов А. Heusler, назвавшего кеннинг «метафорой с отклонением» (1969, S. 296).

По А. Heusler (1969, S. 296), двучленная структура кеннинга обуславливает его существование в двух семантических полях: его основа представляет собой то, с чем метафорически сравнивается референт (т. е. в кеннинге Снорри «Тюр победы» Один сравнивается с Тюром), а определение, «отклоняющее» основу, берется из системы образов денотата – в скандинавской мифологии победу в бою дарует Один. Этот взгляд на кеннинг, а вместе с ним и вся заданная им методология анализа этой фигуры, получившие в специальной литературе широкое признание, оказались не лишены несостыковок.

Прежде всего под указанное определение подходят далеко не все кеннинги: у некоторых основа вовсе не метафорична, а у других с трудом различается семантическая связь определения с системой образов референта (так, сложно соотнести лексему «золото», скрытую в кеннинге «разбрасыватель пламени залива», с денотативной сферой мужа/воина). А. Heusler (1969), понимая относительную противоречивость своей теории, разделил кеннинги на «настоящие» и «ненастоящие». Во вторую группу вошли выражения вроде *Jóta gramr*

(властитель данов – конунг), т. е. конструкции, не имевшие в своем составе метафоры (норвежский конунг Магнус Добрый, референт этого кеннинга, действительно претендовал на власть над Данией), а в первую – все остальные (Heusler, 1969, S. 296-299).

В дальнейшем было составлено еще несколько классификаций кеннингов, во всех из которых так или иначе принималась во внимание степень мотивированности этих поэтических фигур обозначаемым ими референтом (Turville-Petre, 1976, p. xlv-xliii; Fidjestøl, 1997, s. 23-24). На основе обобщенных результатов соотнесения конкретных кеннингов с референтами делались заключения об их метафорической или метонимической сущности (Fidjestøl, 1997, s. 20; Amory, 1998, S. 87; Sullivan, 2008, p. 21). Вместе с тем, до определенного момента вне поля зрения исследователей оставались две главные особенности кеннинга, отличающие его от метафоры и вообще любых подобных фигур: возможность варьирования компонентов кеннинга и объединение этих конструкций скальдической поэзии в своего рода иерархическую систему.

Впервые на варьирование компонентов как особенность кеннинга обратил внимание W. Krause (2014, S. 571), а в целостную концепцию его наблюдения развили Е. А. Гуревич и И. Г. Матюшина (1999). Они показали, что в случае с любым референтом все означающие его многочисленные кеннинги по большому счету являются различными вариантами реализации довольно ограниченного числа инвариантных моделей (Гуревич, Матюшина, 1999, с. 24). Иными словами, любая подобная конструкция имеет двухуровневую структуру, состоящую из общего для множества кеннингов семантического «трафарета» и индивидуального лексического наполнения. Например, кеннинги щита *vigtungl* (луна боя) и *mordsol* (солнце убийства) являются вариантами реализации одной и той же формы, которые образуются путем варьирования основы и/или определения кеннинга, т. е. подставления на нужное место синонимичных друг другу лексем – хейти. При этом для осуществления такого варьирования полная синонимия между варьируемыми лексемами не требуется. Хейти в разных способах реализации инвариантной модели кеннинга могут быть и окказиональными синонимами, которые сближает наличие хотя бы одного общего признака (в случае с указанными выше кеннингами щита луну и солнце сближает их форма, местоположение и излучаемый свет, а бой и убийство – смерть). Такая вариативность кеннинга обуславливает его демотивированность: выбор хейти при создании скальдом очередной фигуры не был семантически обусловлен свойствами референта; он определялся путем обращения к инвариантной модели, традиционно используемой при обозначении какого-либо объекта или субъекта (Гуревич, Матюшина, 1999, с. 25).

Здесь нужно оговориться: инвариантная модель – это не более чем научная абстракция, выведенная исследователями на основе анализа разнообразных кеннингов. Аналогичным образом – через рассмотрение творчества предшественников – ее открывали для себя и скальды, создававшие затем с ее помощью свои кеннинги. Индивидуальность скальдического творчества выражалась, таким образом, в лексическом варьировании известных моделей без изменения самих «шаблонов».

Именно демотивированность является той главной особенностью кеннинга, которая отличает его от метафоры и метонимии, обязательно мотивированных референтом; за нередко встречающимся внешним сходством этих фигур скрываются абсолютно разные принципы построения. Об этом же пишет Снорри, объясняя происхождение кеннингов золота: «И с этими хейти поступают так же, как и со всеми прочими хейти и кеннингами: младшие скальды сочиняют по образцу старших, то есть так, как было у них в стихах, но мало-помалу вносят и новое, то, что, по их разумению, подобно сочиненному прежде, как вода подобна морю, а река – воде, а ручей – реке» (Младшая Эдда, 1970, с. 126). Иными словами, Снорри говорит, что в центре внимания скальда при составлении кеннинга находятся кеннинги его собратьев, а не референт его (и предшественников) творчества.

Описав принцип лексического варьирования кеннинга, исследователи, тем не менее, до сих пор обходили стороной вопрос о сущности этой фигуры с учетом открытого ими принципа. На наш взгляд, наличие в основе любого кеннинга жесткой инвариантной модели, объективно ограничивающей свободу творчества скальда лексическим варьированием без изменения семантики выражения, сближает кеннинг с фразеологизмом.

Во фразеологии под фразеологизмом понимается «воспроизводимое и семантически целостное (идиоматичное) образование, построенное по типу словосочетания, а в семантическом и грамматическом отношении соотносимое со словом» (Жуков, 2020, с. 9). В зависимости от степени семантической редукции компонентов фразеологизма и выводимости его значения из значений компонентов фразеологические обороты принято делить на несколько типов. Общеизвестным вариантом деления является классификация, предложенная В. В. Виноградовым (1977, с. 140-161), который подразделял фразеологизмы на фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Рассматривая кеннинг и фразеологизм на самом верхнем, структурном уровне, можно заметить схожие особенности их компонентной структуры. Фразеологизмам присущи внутренняя лексическая вариантность и устойчивые внешние синонимические связи с другими оборотами, причем в некоторых случаях вариативность и синонимичность фразеологизмов однозначно разделить сложно (Жуков, 2020, с. 29).

Выражения, обладающие одинаковым значением и единой мотивированностью, могут иметь различные лексическую наполняемость и грамматическую структуру. В подобных случаях предлагаем разделять явления лексической вариативности фразеологизма и синонимичности фразеологических единиц по критерию единства или различия их грамматической структуры и лексического наполнения. Так, примером вариативности могут служить фразеологизмы *å gyte olje på ilden* и *å helle olje på ilden* (подливать масла в огонь), где единая грамматическая структура подразумевает использование различных лексических единиц, обладающих синонимичностью значения. При этом выражение *å puste til ilden* (раздувать огонь), имеющее идентичное значение и мотивированность, отличается от предыдущих двух как лексической наполняемостью, так и грамматической

структурой. Кроме того, существует фразеологическая группа с синонимичным значением «подливать масло в огонь», но с другими лексически маркированными компонентами *bensin* (бензин) и *bål* (костер). Внутри этой группы также наблюдаются и вариативность (например, *å kaste/helle bensin på bålet*), и синонимия (*å bære bensin til bålet*). Причем в случае со второй фразеологической группой грань между этими явлениями гораздо более размыта, в т. ч. за счет единой лексической маркированности ее компонентов.

Кроме того, фразеологизмам присуща и факультативная вариативность, т. е. наличие факультативного компонента, не изменяющего смысл выражения (Жуков, 2020, с. 29). Такую форму вариативности демонстрирует, например, выражение *å gå i/gjennom ilden (for)* (пойти на все), где она реализуется за счет предлога *for*, который появляется при уточнении высказывания в зависимости от целей говорящего. Другим примером факультативной вариативности является фразеологизм *å rake kastanjene (ut) av ilden (for noen)* (делать (за кого-то) грязную работу), где семантика целого выражения не изменяется с добавлением предлога.

На первый взгляд, кеннинги, лексически будучи глубоко индивидуалистичными фигурами, не могут обладать вариантностью в рамках одного выражения по образцу фразеологизма. Однако в силу того, что общая для тех или иных кеннингов инвариантная модель выводится через анализ их структуры, все основанные на ней фигуры по большому счету можно считать вариантами друг друга. Такое сравнение кеннинга с фразеологизмом тем более актуально, что, как и в случае с высокоидиоматичными фразеологизмами (например, *fra asken til ilden*, досл.: из пепла в огонь – из огня да в полымя), компоненты кеннинга практически не несут в себе семантической нагрузки, оставляя обнаженной саму инвариантную модель. Синонимичными же кеннингами в таком случае можно считать те, что построены на основе разных моделей, но обозначают одного референта (например, кеннинги ворона *mútari Gauts* – ястреб Гаута, и *niðr Hugins* – родич Хугина). Факультативность, напоминая таковую у фразеологизмов, также присуща кеннингам. Они могли модифицироваться за счет добавления т. н. «расширителей» – определений, но игравших никакой роли в описании референта, но помогавших скальду индивидуализировать свой кеннинг и вписать его в рамки стиха (*hraustr heggr hreins auðar* – отважная черемуха чистого золота – мужчина). В этой связи можно утверждать, что вариативность фразеологических единиц гораздо ниже, чем у кеннинга: из-за фиксированной структуры, обусловленной лексической маркированностью компонентов, у одного фразеологизма будет всего несколько вариантов, основанных на синонимичности отдельных компонентов выражения.

С точки зрения внешних признаков еще одной общей чертой кеннинга и фразеологизма является фиксированная грамматическая форма. Изменение грамматических связей между компонентами фразеологизма приведет к его разрушению. Так, грамматическая структура фразеологизма *å gå gjennom ild og vann* (пройти через огонь и воду) не может быть изменена: замена предлога приведет к разрушению связей между компонентами фразеологизма, и значение будет утрачено. Близкий по набору лексических компонентов фразеологизм *som ild og vann* (досл.: как огонь и вода – как небо и земля), не обладающий факультативной вариативностью, не может быть использован без союза *som* (как), так как с потерей компаративной структуры будет утеряно и значение выражения. Кроме того, устойчивость фиксированной формы проявляется в невозможности изменения порядка слов фразеологизма. Например, выражение *mellom ild og vann* (досл.: между огнем и водой – между двух огней) потеряет свое фразеологическое значение (но сохранит буквальное), если поменять его символически маркированные компоненты *ild* (огонь) и *vann* (вода) местами. В таком случае мы будем наблюдать полное разложение его фразеологической структуры, равно как и утерю идиоматического значения.

Аналогичные последствия – утрату значения – имеют изменение генетивной конструкции кеннинга или кеннинга сложного слова. При этом кеннинги обладают более высокой парадигматической гибкостью, нежели значительное число фразеологизмов; в зависимости от синтаксического окружения основа (или второй корень в составном слове) кеннинга может принимать любую падежную форму. В этом кеннинги сближаются с фразеологическими единствами и отличаются от фразеологических сращений.

С семантической точки зрения кеннинг и фразеологизм сближает прежде всего присущая им демотивированность, то есть отсутствие, по определению А. В. Жукова, «фактора семантической обусловленности, связывающего для говорящего этимологическое (буквальное) и актуальное (переносное) значения фразеологизма» (2020, с. 36). Степень мотивированности фразеологизма обратно пропорциональна степени его идиоматичности. Так, выражение *som ild i tørt gress* (досл.: как огонь в сухой траве – в мгновение ока) является мотивированным, поскольку существует явная логическая связь между его буквальным и переносным значениями. Огонь в сухой траве распространяется очень *быстро*. Во многом эта связь объясняет и компаративную структуру выражения. Такой фразеологизм обладает средней степенью идиоматичности, и, пользуясь моделью В. В. Виноградова (1977), мы отнесем его к категории фразеологических единств. Полностью демотивированным можно считать фразеологизм *brann i rosenes leir* (досл.: пожар в лагере роз – как гром среди ясного неба). Это выражение обладает высокой степенью идиоматичности и относится к типу фразеологических сращений. Крайне высокой степенью идиоматичности обладает фразеологизм *å ha bluss på lampen/kjelen* (досл.: иметь огонек на лампе/котле – быть под мухой, т. е. быть в нетрезвом состоянии). Кроме демотивированности, выражение также характеризуется неналагаемостью и невыводимостью, что и объясняет возможность его отнесения к категории фразеологических сращений.

Если фразеологизмы могут быть как мотивированными, так и нет, то кеннинг верным было бы рассматривать как полностью демотивированную фигуру. О справедливости такого подхода говорит, во-первых, само создание «Младшей Эдды» – учебника по скальдической поэзии и набора традиционных «клише» для кеннингов, которыми скальды и должны были руководствоваться в своем творчестве. Во-вторых, необходимость объяснения происхождения кеннингов и подчас разные версии происхождения одной модели также говорят об утрате живой связи между референтом и кеннингом. В этой связи даже конструкции, компоненты которых

семантически могут быть возведены к объяснениям Снорри, нельзя считать мотивированными: очень вероятно, что эта семантическая близость – не более чем совпадение, возникшее в результате ничем не ограниченного варьирования известных скальду кеннингов.

Сходным образом у фразеологизмов и кеннингов реализуется такая черта, как выводимость. Согласно наиболее устоявшемуся, предложенному еще В. В. Виноградовым (1977, с. 152) определению этого свойства, выводимостью называется возможность установить общее значение фразеологизма, исходя из семантической связи компонентов. Иными словами, выводимым считается фразеологизм, чье значение можно установить через поиск семантических связей между ним и лексически аналогичным ему первоначальным (буквальным) выражением. Так, например, фразеологизм *brent barn skyr ilden* (досл.: обжегшееся дитя боится огня – обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду) является выводимым, в том числе за счет лексического компонента *skyr*, в чье семантическое поле входят понятия «страх, ощущение опасности чего-либо». В данном случае грамматическая форма слова *skyr* (настоящее время, несовершенный вид) также позволяет вывести дополнительный оттенок значения – «как правило». Стоит отметить, что выводимость не является чертой сильно идиоматичных выражений, т. е. фразеологических сращений (Жуков, 2020, с. 37). Например, выражение *á være fyr og flamme* (досл.: быть огнем и пламенем – быть в восторге) не является выводимым, так как ни один лексический компонент не позволяет определить его значение.

В случае же с кеннингами своего рода «первоначальными выражениями» являются их инвариантные модели. Референт кеннинга, как и у фразеологизма, выводится в два этапа: сначала конкретная фигура соотносится со своей инвариантной моделью (т. е. множеством ранее услышанных кеннингов), а затем уже модель накладывается собственно на референта; таким образом, аудитория скальда фактически воспроизводит творческий процесс скальда в обратном порядке. Референт же многочисленных кеннингов (обычно это мужчина или женщина) выводится в какой-то степени проще. В их основах используются одни и те же группы хейти, которые не встречаются в других моделях; поэтому значение такой многочисленной конструкции можно установить, просто взглянув на основу (Гуревич, Матюшина, 1999, с. 35).

Несмотря на то, что кеннинг может рассматриваться во фразеологической парадигме и имеет общие черты с различными типами таких оборотов, его нельзя в полной мере отнести к разряду фразеологизмов. Необходимым свойством фразеологизма является воспроизводимость, т. е. регулярная повторяемость в языке. Кеннинг же, как указывалось ранее, является индивидуалистичной фигурой, и два одинаковых кеннинга у разных скальдов – это, как правило, совпадение. В кеннингах регулярно воспроизводится только инвариантная модель – и хотя она является их неотъемлемой частью, это все же абстракция, а не реальная лексическая фигура. Воспроизводимость кеннингов на формальном уровне ограничивается и тем фактом, что они характерны исключительно для поэзии и совсем не встречаются в прозе. В этой связи по ряду признаков – синтаксической устойчивости, воспроизводимости, полиэлементности, лексической наполняемости и идиоматичности – кеннинг, на наш взгляд, можно охарактеризовать как *фразеологическую конструкцию*.

Кеннинги лексико-семантической группы «огонь»: горизонтальные связи

Говоря о различиях между кеннингом и метафорой, мы указали, что, помимо варьирования, особенностью интересующей нас поэтической фигуры является ее включенность в целую систему кеннингов. О существовании такой системы, которая ограничивает набор референтов и не позволяет скальду «зашифровать» в кеннинге любое понятие, впервые заявил немецкий исследователь R. Meissner (1921). В своей работе “Die Kenningar der Skalden” («Скальдические кеннинги») он перечислил все известные кеннинги, предварительно сгруппировав их по референтам и приблизившись к вычленению инвариантных моделей (Meissner, 1921). Однако эта классификация была лишена необходимого для полноценной системы свойства – связности элементов. На существование такой связности впервые было указано норвежским исследователем B. Fidjestøl (1997, s. 17-67), а ее глубокий анализ с разных сторон провели О. А. Смирницкая (1995, с. 292-293) и немного позднее – Е. А. Гуревич с И. Г. Матюшиной (1999). Они показали, что система кеннингов имеет в своей основе вертикальные связи между инвариантными моделями: обладающий огромными возможностями варьирования многочисленный/протяженный кеннинг (*rekit*) мужа содержит в себе все возможные кеннинги для других референтов, а сами двучленные фигуры соединяются в строго определенных комбинациях в устойчивые трехчленные (*tvíkennt*) перед тем, как образовать кеннинг протяженный.

Горизонтальные связи в системе исследовал И. В. Свердлов (2003), рассматривавший систему кеннингов как результат получения двучленным кеннингом мужа возможности расширяться за счет других кеннингов. В его понимании, такого рода связи существуют преимущественно между референтами кеннингов «первого уровня», т. е. тех, которые могут непосредственно развертывать кеннинг мужа.

Вместе с тем, фокусируясь на анализе связей между референтами кеннингов системы, И. В. Свердлов (2003) фактически обошел вниманием лексико-семантические связи непосредственно между самими этими фигурами. Есть основания полагать, что такие связи образуются обширнейшим комплексом скальдической лексики, т. е. скальдическими хейти. В отношении кеннингов хейти выполняют две взаимосвязанные функции: они входят в состав одних кеннингов, создавая их лексический образ, и являются лексико-семантической формой для референта других. Эти функции переплетаются при создании *tvíkennt* и *rekit*, когда хейти в определении первоначального кеннинга берет на себя роль референта кеннинга, расширяющего определение. Таким образом, хейти создают общее лексико-семантическое пространство для системы кеннингов, обуславливая ее функционирование как единого механизма. В построении таких связей могут участвовать не все хейти: их круг ограничен только теми, что используются в определениях кеннингов и сами могут разворачиваться в кеннинг; хейти в основе не обладают возможностью развертывания (Гуревич, Матюшина, 1999, с. 34).

Рассмотрим весь комплекс горизонтальных связей в системе кеннингов в рамках хейти лексико-семантической группы «огонь». В древнеисландской и древненорвежской прозе эта достаточно обширная группа занимает важное место, сообразное роли огня в жизни скандинавских народов, и обладает достаточно высокой гибкостью, демонстрируя значительный набор образных значений (Левитан, Нечаева, 2023). В скальдической поэзии вся богатая семантика обозначений огня сведена на нет, однако этот набор хейти играет важную роль в образовании кеннингов центральных понятий поэзии скальдов.

Лексико-семантическая группа «огонь» в составе кеннингов очень активна, что проявляется в существовании большого количества хейти огня. Снорри перечисляет следующие обозначения: *eldr, logi, bál, glæðr, eisa, gim, eimr, hyrr, funi, brími* и *leygr*; к ним, исходя из частоты использования в кеннингах, можно добавить *brandr, brenna, eisa, fasti, fúrr* и *log*. Семантические значения этих слов сильно отличаются друг от друга (среди значений некоторых «огонь» вообще не значится: например, *glæðr* – это раскаленные угли, *eimr* – дым), однако скальдическое варьирование, предполагающее полную демотивацию компонентов кеннинга, превращает все слова в полные синонимы друг для друга.

Наиболее активно хейти огня участвуют в создании двух ключевых элементов системы: обозначений золота и меча. Инвариантными моделями кеннингов золота с огнем в качестве основы являются «огонь моря», «огонь реки» (или более общий «шаблон» – «огонь воды») и «огонь руки»: так, золото можно назвать *logi fjarðar* (пламя фьорда), *brandr Niðar* (пламя реки Нид) и *armglæðr* (угли руки).

В случае с кеннингами меча хейти огня (наравне с хейти других ярких объектов или явлений) широко используются в конструкциях «сверкание битвы» и «сверкание Одина/валькирии», существующих, например, в форме кеннингов *leygr þrímu* (пламя шума, т. е. битвы), *hyrr serkja* (огонь рубашек, т. е. кольчуг), *bál Yggjar* (костер Игга, т. е. Одина). Аналогичным образом с хейти огня по структуре «огонь небес» образуются кеннинги солнца: *hyrr heiðs* (огонь ясного неба), *eisa himins* (раскаленный уголек небес).

Наконец, хейти огня уже в качестве определения входят в состав небольшого количества кеннингов женщины (модель «богиня огня», например, *farlig Gerðr gims* – красивая Герд (= богиня) самоцвета), а также дома (*brandnór* – судно огня, *úgtanni leygs* – медведь пламени, и *hyrketill*, т. е. котел пламени, причем все – конструкции не вполне ясного происхождения).

Общие для построенных по рассмотренным моделям кеннингов элементы, т. е. хейти огня, связывают эти инвариантные модели по горизонтали. Чтобы показать пример конкретного функционирования этой связи, попробуем восстановить процесс установления аудиторией скальда референта кеннинга. Соотнося конкретный кеннинг с набором известных ему фигур, слушатель, очевидно, действовал методом исключения, «отсекая» кеннинги с неподходящими лексико-семантическим признаками. В ходе этого процесса основа конструкции вроде *sundhyrr* (огонь пролива, т. е. золото) фактически совпадала с основой кеннинга *sáreldr* (огонь ран, т. е. меч), что условно объединяло обе фигуры в одну группу кеннингов с «огненной основой»; для их разведения через вычленение инвариантной модели требовалось рассмотрение вторых компонентов кеннингов. При этом объединение в одну группу конструкций с аналогичными хейти в основе и определении невозможно в силу смыслообразующей роли структуры кеннинга.

Горизонтальные связи между кеннингами разных моделей основываются на варьировании хейти одной лексико-семантической группы, которое делает необходимым установление их значения через соотнесение с моделью в каждом отдельном случае. Подобными же горизонтальными синонимическими связями оказываются объединены и все кеннинги, построенные по одной инвариантной модели. Более того, в этом случае рассматриваемые связи еще заметнее, поскольку существуют как между основами, так и между определениями кеннингов. Именно эти связи и позволяют аудитории скальда вывести значение конкретного кеннинга через его соотнесение с «шаблоном».

Наконец, поскольку протяженные кеннинги, как было отмечено выше, складываются из устойчивых (т. е. также имеющих в основе одну модель с заданными лексико-семантическими группами хейти) трехчленных *tvikennt*, можно утверждать, что такие трехчленные конструкции – а не только, как видит это И. В. Свердлов (2003, с. 266), кеннинги «первого уровня» – также являются равноценными и взаимозаменяемыми синонимами друг друга. Следовательно, *tvikennt* играют в отношении *rekit* роль, аналогичную роли хейти, стоящих на месте определения двучленных кеннингов, – они также связывают их горизонтальными связями синонимии.

Горизонтальные связи между кеннингами в системе образуются основными единицами скальдической лексики – хейти. Хейти одной лексико-семантической группы, занимающие в кеннингах одинаковое положение, выполняют функцию классифицирующего элемента, объединяющего разные инвариантные модели в одну группу. Синонимические связи между обоими хейти разных кеннингов, принадлежащими к одной лексико-семантической группе, обуславливают объединение этих фигур в рамках одной инвариантной модели и, следовательно, обеспечивают их выводимость и одновременно возможность создания новых конструкций по их шаблону. В свою очередь, в рамках системы кеннингов «шаблонные» *tvikennt*, играющие роль определения *rekit*, несут схожую с хейти функцию: будучи синонимичны друг другу, они соединяют такими связями многочисленные кеннинги.

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного исследования можно сделать следующие выводы. В силу демотивированности кеннинга и существования системы кеннингов, ограничивающей скальда в создании новых фигур, скальдический кеннинг не может считаться ни метафорой, ни метонимией. В свою очередь, сравнение этой фигуры с фразеологизмом, во-первых, демонстрирует возможность вообще рассматривать

кеннинг в системе понятий, применяемой в теории фразеологизмов, а во-вторых, показывает значительное число существенных совпадений между этими двумя конструкциями. Однако между кеннингом и фразеологизмом существует и серьезное различие: кеннинги обладают крайне ограниченной воспроизводимостью, поскольку, в отличие от фразеологизмов, являются глубоко индивидуалистическими фигурами. В этой связи авторы относят кеннинги к фразеологическим конструкциям.

Горизонтальные связи в системе кеннингов представляются значительно более сложным явлением, чем предполагалось ранее. Они образуются между компонентами кеннингов – хейти – и играют ключевую роль в процессе установления референта кеннинга, связывая инвариантные модели. Посредством хейти горизонтальные синонимические связи образуются и между собственно центральными элементами системы – двухчленными и трехчленными кеннингами. Столь высокий уровень сложности и насыщенности горизонтальных связей в системе, по мнению авторов, ставит вопрос об изменении взгляда на систему кеннингов как на вертикально, а не горизонтально ориентированную конструкцию.

Перспективы дальнейшего исследования темы авторы видят в изучении особенностей различных видов кеннингов с учетом их «фразеологической сущности», а также в продолжении изучения функционирования горизонтальных связей в системе кеннингов.

Источники | References

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977.
2. Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия Скальдов / отв. ред. Е. М. Мелетинский. М.: РГГУ, 1999.
3. Жуков А. В. Очерки по фразеологической семантике: монография. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: РУСАЙНС, 2020.
4. Левитан А. Г., Нечаева П. В. Лексико-семантическая группа «огонь» в древнеисландском и современном норвежском языках сквозь призму анализа прозаических текстов // Огонь как феномен и символ стихии в национальных культурах, языке, политике, экономике, экологии, юриспруденции и лингвокультурологии: взгляд из России, стран Северной Европы, Бенилюкса и Балтии. М.: МГИМО-Университет, 2023.
5. Младшая Эдда / пер. О. А. Смирницкой; отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1970.
6. Петров С. В., Стеблин-Каменский М. И. Поэзия скальдов / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1979.
7. Свердлов И. В. Системное исследование скальдической лексики (на материале развернутых кеннингов мужа): дисс. ... к. филол. н. М., 2003.
8. Смирницкая О. А. Скальдические отдельные висы // Малые формы фольклора: сборник статей памяти Г. Л. Пермякова / сост. Т. Н. Свешникова. М.: Восточная литература, 1995.
9. Amory F. Kennings, Referentiality, and Metaphors // Arkiv för nordisk filologi. 1998. Bd. 103.
10. Fidjestøl B. Selected papers. Odense, 1997.
11. Heusler A. Kleine Schriften: in 2 Bdn. Berlin: De Gruyter, 1969. Bd. I.
12. Krause W. Schriften zur Runologie und Sprachwissenschaft. Berlin – Boston: De Gruyter, 2014.
13. Meissner R. Die Kenningar der Skalden: ein Beitrag zur skaldischen Poetik. Bonn – Leipzig, 1921.
14. Sullivan K. Genre-dependent metonymy in Norse skaldic poetry // Language and Literature. 2008. Vol. 17 (1).
15. Turville-Petre E. O. G. Skaldic poetry. Oxford: Clarendon Press, 1976.

Информация об авторах | Author information

RU

Левитан Александр Глебович¹

Нечаева Полина Васильевна²

Солдатова Дарья Николаевна³, к. филол. н.

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений

³ Военный университет имени князя Александра Невского, г. Москва;

Московский государственный институт международных отношений

EN

Levitan Alexander Glebovich¹

Nechaeva Polina Vasilyevna²

Soldatova Daria Nikolaevna³, PhD

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations

³ Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow;

Moscow State Institute of International Relations

¹ aglevitan@yandex.ru, ² po.v.nechaeva@my.mgimo.ru, ³ soldatovadn@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.02.2024; опубликовано online (published online): 07.03.2024.

Ключевые слова (keywords): кеннинги; скальдическая поэзия; фразеологизмы; древнеисландский язык; норвежский язык; kennings; skaldic poetry; phraseological units; Old Norse language; Norwegian language.